

ВСТРЕЧА И ЗНАКОМСТВО Д. ДЬЮИ С С.Т. ШАЦКИМ В РОССИИ В 1928 г.

Е.Н. Астафьева,
научный сотрудник Научно-методического центра
педагогической рискологии Академии социального управления,
Москва, e-mail: abc1089@yandex.ru

С.Т. Шацкий с начала XX в. испытывал влияние педагогических идей Д. Дьюи. В 1928 г. Д. Дьюи посетил СССР, встретился с С.Т. Шацким, познакомился с работой Первой опытной станции Наркомпроса. Оба выдающихся педагога оставили воспоминания об этой встрече.

Учёный и общественный деятель, самый влиятельный реформатор образования XX в. американский философ и социолог, педагог и психолог Джон Дьюи (1859–1952) оказал огромное влияние на теорию и практику российского образования. Это влияние зримо ощущалось в первой трети прошлого столетия. С начала 1930-х гг. педагогические идеи американского мыслителя всё более явно шли в разрез с политикой сталинского режима. По словам Г.Б. Корнетова, «началось взаимное отчуждение. Уже в 1936 г. Д. Дьюи ставил на одну доску методы образования в Советском Союзе и гитлеровской Германии. В статье «Индивидуальная психология и воспитание» он писал: «Ни для кого не секрет, что методы воспитания в Советской России

отличаются от методов в других странах. Те же методы будут развиваться и в гитлеровской Германии». Отчуждение перешло в открытую ненависть после того, как Д. Дьюи по предложению Л.Д. Троцкого стал почётным председателем Международной комиссии по альтернативному рассмотрению Московских процессов 1937–1938 гг. и обвинений в отношении Троцкого. Относясь к нему более негативно, чем к И.В. Сталину, Д. Дьюи тем не менее, в статье «Невиновен» разоблачил московские процессы и обвинения против Л.Д. Троцкого в шпионаже и контрреволюционной деятельности, доказав их полную несостоятельность и абсурдность. Вплоть до середины 1980-х гг. имя Д. Дьюи в Советском Союзе если и не было под запретом, то по крайней мере могло упоминаться лишь в резко критическом, точнее, разоблачительном ключе. Так, в год смерти Д. Дьюи была опубликована книга В.С. Шевкина с весьма показательным названием «Педагогика Д. Дьюи на службе американской реакции» (М.: Учпедгиз, 1952). Редактором этой книги был будущий академик А.И. Пискунов»¹.

Ещё до того, как началось взаимное отчуждение Д. Дьюи и Советского государства, американский учёный побывал в Советском Союзе. Комментируя это событие, Н.С. Юлина пишет: «В 1928 г. Джон Дьюи посетил СССР, ознакомился с Ленинградом и Москвой, встречался с людьми культуры

и педагогами, беседовал с Н.К. Крупской, посещал экспериментальные школы и детские воспитательные колонии, в том числе возглавляемую известным российским педагогом С. Шацким, и др. Дьюи не был любопытствующим визитером. В 1907 г. на русском языке была издана и получила широкий резонанс его первая философско-педагогическая работа «Школа и общество»² (она многократно переиздавалась вплоть до 1925 г.) затем последовало издание новых его работ: «Психология и педагогика мышления» (1915), «Введение в философию воспитания» (1921), «Школы будущего» (1922). Имя его было хорошо известно в философско-педагогических кругах России, и его встречали как знакомого классика педагогики. Что ещё важнее, его идеи прогрессивного обучения широко применялись педагогами-новаторами в школьной практике. (До 1925 г. в российской педагогике пользовались влиянием идеи Л.Н. Толстого и Д. Дьюи, позднее вытесненных новой советской идеологизированной педагогикой.)»³.

Группа американских педагогов во главе с Д. Дьюи приехала 1928 г. в СССР по приглашению наркома просвещения А.В. Луначарского для ознакомления с организацией

¹ Корнетов Г.Б. Джон Дьюи // Хрестоматия по истории школы и педагогики России первой трети XX века: П.Н. Игнатьев, В.В. Зеньковский, С.И. Гессен, Д. Дьюи / ред.-сост. Г.Б. Корнетов. М.: АСОУ, 2009. — С. 140.

² Н.С. Юлина ошибается, первой философско-педагогической работой Д. Дьюи, получивший всемирное признание была статья «Моя педагогическая вера», написанная им в 1897 г. и опубликованная на русском языке в журнале «Свободное воспитание». 1913–1914. № 1. — С. 3–16. См.: Дьюи Д. Моя педагогическая вера // Педагогика Джона Дьюи / автор-сост. Г.Б. Корнетов. М.: АСОУ, 2010. — С. 40–55. Работа «Школа и общество» была написана в 1899 г.

³ Юлина Н.С. Об очерке Джона Дьюи «Впечатления о Советской России» // История философии. № 5. М.: ИФРАН, 2000. — С. 270–275. С. 270.

советского образования. В конце июля — начале августа 1928 г. она посетила Первую опытную станцию Наркомпроса, находившуюся в Москве, а также её сельское отделение в Калужской области, которое включало 13 школ первой ступени, школу второй ступени и четыре детских сада.

Первая опытная станция была создана С.Т. Шацким (1878–1934) в 1919 г. на основе учреждений общества «Детский труд и отдых». С.Т. Шацкий, один из самых ярких отечественных педагогов первой трети XX в., по горячим следам рассказал о впечатлениях, полученных им от встречи с американцами, продолжавшейся в течение пяти дней, в статье «Американские педагоги у нас в гостях». Текст статьи хранится в Научном архиве РАО⁴. Впервые эта статья была опубликована в 1964 г.⁵

С.Т. Шацкий всегда относился к Дж. Дьюи с огромным почтением. Так, ещё в 1921 г. в предисловии к изданию сокращённого перевода главного педагогического труда Д. Дьюи — книге «Демократия и образования»⁶ — С.Т. Шацкий, называя американского учёного «властителем дум» советских педагогов той эпохи, писал: «В книге сконцентрировано огромное богатство мысли — Дьюи нигде, ни в какой строчке не оторван от жизни, наоборот, его

философия, как знамение нового века, полна жизни ясного представления её насущных потребностей».⁷ А в статье, посвящённой встрече с американскими педагогами, С.Т. Шацкий подчеркнул, что профессор Дьюи является в настоящее время самым авторитетным идеологом новой школы не только у себя на родине, но и в Европе»⁸.

В первый день знакомства состоялось вечернее чаепитие в Москве, по поводу которого С.Т. Шацкий писал: «За чаем американцы оказались сдержанными, простыми, но весьма общительными людьми, изучавшими с величайшим любопытством новую для них обстановку» [Шацкий, с. 41].

С.Т. Шацкий перечислил вопросы, которые ему задавали члены американской делегации во второй день общения на педагогической выставке Опытной станции, где им был сделан доклад об основных задачах нашей советской школы: «Что вы говорите вашим детям о том, что нехорошо воевать?», «Каким образом мы, организуя общественную работу школы, подвергаем её научным измерениям при помощи тестов?», «Чем мы начинаем рисовать: углём, карандашом, кистью ли при помощи пастели?» Комментируя эти вопросы, С.Т. Шацкий отметил: «Было ясно, что по тем главным вопросам, которые мы в Советской России считаем основными, у нас

⁴ См.: Научный архив РАО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 237. Л. 222–230.

⁵ См.: Шацкий С.Т. Американские педагоги у нас в гостях // Пед. соч.: в 4 т. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1964. Т. 3. — С. 206–214.

⁶ Книга была впервые издана Д. Дьюи в США в 1916 г. Полный перевод на русский язык: Дьюи Д. Демократия и образование / пер. англ. М.: Педагогика-пресс, 2000. — 384 с.

⁷ Шацкий С. Предисловие // Дьюи Д. Введение в философию воспитания / пер. с англ. М.: Работник просвещения, 1921. — С. 5.

⁸ Шацкий С.Т. Американские педагоги у нас в гостях // Шацкий С.Т. Школа для детей, или дети для школы: Избр. пед. произв.: в 2 т. М.: АСОРУ, 2011. Т. II. — С. 41.

Далее все ссылки на эту статью С.Т. Шацкого будут даваться в тексте в квадратных скобках с указанием страниц по данному изданию.

с ними не может быть никакого взаимного понимания, и единственное, на что можно рассчитывать, — это на вежливое выслушивание того, что мы можем сказать по этому поводу» [Шацкий, с. 42–43]. Далее С.Т. Шацкий приводит слова Д. Дьюи, свидетельствующие о том, что американский реформатор образования значительно более адекватно оценивал ситуацию: «После этой беседы профессор Дьюи подошёл ко мне, взял меня за локоть, отвёл в сторонку и сказал: «Я всё-таки думаю, что мои товарищи задавали не совсем удачные вопросы; не думайте, что я согласен с тем смыслом, который был вложен в них моими товарищами. Затем я хочу вам сказать, что по окончании мировой войны я всё время посещал те страны, где произошла революция. Я был два года в Китае, по приглашению Сун Ят-сена; я был в Мексике, был в Турции и теперь приехал к вам, где я надеюсь понять то основное, что вы здесь делаете» [Шацкий, с. 43].

Затем американцев, высказавших желание «посетить деревню и познакомиться с деревенской работой», С.Т. Шацкий повёз в Калужскую область. Ехали в общем дачном вагоне, С.Т. Шацкий вёл долгую беседу с Д. Дьюи. Рассказывая об этой беседе, он писал: «Я подсел к профессору Дьюи и затеял с ним долгий и интересный разговор относительно самого существа, американского и русского воспитания. В этом разговоре можно было бы отметить несколько интересных замечаний американского учёного... Профессор Дьюи является одним из деятелей, разрабаты-

вавшим вопрос [о прагматистской педагогике, педагогике действия]. С этой точки зрения я просил его объяснить мне, как он оценивает американские условия жизни, поскольку они основаны на капиталистических производственных отношениях, как он оценивает их с точки зрения демократического воспитания будущего человека, ибо эти отношения, основанные на прибавочной стоимости на товары, на купле-продаже, не могут не вызвать интереса к конкуренции к обогащению, к защите своего добра. «Да, — отвечал Дьюи, — это всё у нас есть, но мы подвергаем эти условия серьёзному анализу и ищем выходы. Например, сейчас у нас весьма сильно пропагандируется стабилизация товарных цен, и никакому покупателю, пришедшему в магазин купить нужную ему вещь, при стабилизации и в голову не приходит заподозрить продавца в том, что он желает нажить с него лишнее. Всякий купец, всякий продавец должен получать ту норму прибыли, которая определена ему обществом. К этому мы и стремимся и в этом видим значительное улучшение социальных противоречий». «Но не находите ли вы, — спрашиваю я его, — что ваши капиталисты сочтут такую стабилизацию вмешательством в их личные дела?» «Да, — отвечает Дьюи, — пока это так, но постепенно наши капиталисты должны будут признать все выгоды более разумного и справедливого социального строя». «И так, — говорю я, — вы думаете, что они покаются, признают все свои грехи и откажутся от всех своих капиталов?» На это Дьюи

засмеялся и заметил: «Во всяком случае это будет не так-то скоро» [Шацкий, с. 43–45].

После первого знакомства с детской колонией и посещением нескольких деревень С.Т. Шацкий спросил членов американской делегации о полученных ими впечатлениях. Ответ для себя он получил весьма неожиданный: «К моему удивлению, самыми интересными оказались те отношения, которые дети проявляли повсюду, — простые товарищеские отношения между учителями и учениками. Выяснилось, что у них, в Америке, дети стоят от взрослых гораздо дальше. Это замечание меня до некоторой степени поразило, потому что то, что приходится читать об американской школе, американском воспитании, заставляет думать о несколько других отношениях. Также поразила американцев и непосредственность наших детей, их радушие, их удивительное гостеприимство» [Шацкий, с. 45].

Далее знакомство иностранных гостей с сельским отделением Первой опытной станции продолжилось: «Для американцев был у нас организован доклад о том, что делается в нашей школе и колонии; доклад этот был сделан двумя учениками. Затем дети-колонисты показывали американцам, разделённым на отдельные группы, своё помещение и хозяйство. К удивлению американцев, они задавали им довольно большое количество вопросов, указывавших на большой интерес наших детей к загранице. После этого дети устроили американцам концерт и в заключение танцы, причём амери-

канцы всё время просили показать им что-нибудь русское, и как раз танцы, в особенности казачок, произвели на них сильное впечатление. По окончании вечера, проведённого с детьми, Дьюи просил им передать, что дни, проведённые здесь, он считает самыми интересными из всего своего путешествия» [Шацкий, с. 45].

Американская делегация находилась в деревне три дня. В заключение её пребывания была организована беседа членов делегации с местными учителями. Рассказывая об этой встрече, С.Т. Шацкий писал: «Первый вопрос, вокруг которого загорелись довольно большие споры, был такой: мы в Советской России хотим воспитывать строителей социализма и борцов за него, а кого хотите воспитывать вы в Америке? Надо заметить, что американская группа, их было 15 человек, была далеко не однородна. Очевидно, между ними внутреннего соглашения было мало, и поэтому вопрос наших учителей привёл их в сильное замешательство и сформулировать общий ответ в данных условиях было довольно трудно. Один из профессоров, весьма почтенных лет, сказал, что классы и классовая борьба — это только у вас в России, у нас в Америке её нет. Тут наша молодёжь не выдержала и засмеялась, что было довольно неловко по отношению к гостям. После этого Дьюи поправил своего коллегу и сказал: «Не то что их у нас нет, они, конечно, есть, но мы хотим, чтобы их не было». Так надо понимать этот ответ. В общем, беседа эта прошла довольно напряжённо, и сформулировать, сделать выводы

найти какой-нибудь путь для делового обмена мыслями было весьма трудно» [Шацкий, с. 45–46].

После возвращения в Москву С.Т. Шацкий вновь общался с членами делегации: «Я встретился ещё с американцами у них в гостинице, и на мой вопрос о том, какое теперь они выносят впечатление о нашей работе, Дьюи сказал, что лично он провёл время здесь с большим интересом и он должен сознаться, что это путешествие является действительно самым интересным из всех его прежних путешествий. Конечно, трудно будет в Америке говорить о всём том, что он здесь видел, трудно потому, что американцам почти невозможно понять условия русской жизни, но тем не менее он считает своим долгом, как бы это и было неприятно его соотечественникам, рассказать Америке о своих впечатлениях. Одна из собеседниц американок высказала чрезвычайно знаменательную, с моей точки зрения мысль: «Вы здесь очень много ищете, стараетесь добиваться серьёзных вещей, а у нас в Америке этого гораздо меньше, потому что у нас всё есть, нам ничего не нужно». «Значит, — делаю я вывод, — мы — страна будущего; так я должен понимать ваши слова?» — «Да, конечно, у вас педагогическая работа имеет гораздо больше интересных оснований, чем у нас. Мы не умеем организовывать, мы снабжаем наши школы хорошим оборудованием, но мы не видим в нашей работе такого энтузиазма, который замечаем у вас». Прощаясь, мы обменялись с профессором Дьюи портретами. На своей маленькой фо-

тографической карточке я написал, что надеюсь, что по приезде в Америку Дьюи благодаря своему чуткому уму, разобравшись в наших условиях работы, будет содействовать тому, чтобы распространять у себя в Америке правильные взгляды на наши дела. Он же мне написал следующее: «Я уезжаю от вас с чувством большей симпатии к той стране, в которой возможны такие глубокие педагогические работы». Американцы обещали написать ряд статей о своих впечатлениях от поездки в Россию» [Шацкий, с. 47].

И это обещание было выполнено. Вернувшись на родину, Д. Дьюи опубликовал в журнале *The News Republic* серию статей о впечатлениях, которые он получил от посещения Советского Союза, а также Мексики, Японии, Китая, Турции. Эти статьи затем были изданы отдельной книгой⁹. Раздел из этой книги, посвящённый пребыванию Д. Дьюи в России, был переведён на русский язык и впервые опубликован в нашей стране в 2000 г.¹⁰

В этом разделе он, в частности, рассказал и о своём общении с С.Т. Шацким. Д. Дьюи писал: «Существующая в умах советских педагогов связь между формированием установок и склонностей с помощью семьи, экономических и политических институтов и с помощью школы может быть проиллюстрирована рассказом одного из лидеров новой

⁹ Dewey J. Impressions of Soviet Russia and the Revolutionary World: Mexico — China Turkey. New York: New Republic, 1929. — 268 p.

¹⁰ Дьюи Д. Впечатления от Советской России / пер. с англ. // История философии. № 5. М.: ИФРАН, 2000. — С. 224–269.

педагогики¹¹ о его жизненном пути. Первую попытку реформировать образование в России он предпринял в начале нашего века, когда вместе со своим другом¹², который был связан с университетским благотворительным учреждением в Нью-Йорке, он организовал такое же учреждение в одном из рабочих кварталов Москвы. Естественно, что они были вынуждены заниматься неполитической деятельностью в нейтральных сферах организации детских клубов, досуга, охраны здоровья и т.п., фактически в тех же областях, что и наши аналогичные заведения филантропического типа. Но даже в этих областях они встречали постоянное сопротивление и помехи со стороны властей. Например, педагог, рассказавший эту историю, одним из первых начал развивать в России футбол и в результате провёл несколько месяцев в тюрьме, ибо власти были убеждены, что у этой игры может быть одна-единственная цель: тренировать молодых людей бросать бомбы поточнее! ... (В 1911 г., стремясь расширить поле деятельности, он организовал педагогическую экспериментальную площадку в деревне, в 80–100 милях от Москвы, получив помощь и поддержку от состоятельных русских либералов. Как

мне рассказали, эта школа строилась на сочетании толстовской версии руссоистской доктрины свободы и идеи о воспитательном значении производительного труда, почерпнутой из американских источников)»¹³.

По мнению Д. Дьюи, «та история имеет глубокий исторический смысл для прояснения факторов, предопределивших суть советской системы образования. Но её главное значение зависит от дальнейшего развития событий. Особенно показательно воздействие на сознание педагогов-реформаторов постоянного сопротивления властей даже самым умеренным и неполитическим попыткам реформировать систему образования и улучшить условия жизни рабочего населения. Педагог, о котором я говорю, начинал как реформист либерального толка, причём далеко не радикального направления, а как конституционный демократ. Он работал, верил и надеялся, что школа, давая образование и воспитание нового типа, может мирно и постепенно произвести необходимую трансформацию в других институтах. Его превращение из педагога-реформатора в убеждённого коммуниста является символом современной ступени всего советского педагогического движения. В первую очередь здесь сыграл свою роль тот поразительный факт, от которого невозможно

¹¹ Здесь и далее Д. Дьюи пишет о С.Т. Шацком, часто не называя его имени.

¹² Д. Дьюи имеет в виду А.У. Зеленко (1871–1953), который в 1903–1904 гг., посетив Америку, ознакомился с работой школ и деятельностью селlements. Вернувшись в России, он совместно с С.Т. Шацким и Л.К. Шлегер в 1905 г. начал работу по созданию воспитательных учреждений для детей. Впоследствии А.У. Зеленко стал близким сотрудником С.Т. Шацкого во всех его педагогических начинаниях. Он, в частности, работал на Первой опытной станции Наркомпроса, а в 1928 г. участвовал во встречах с Д. Дьюи и выступал в качестве переводчика.

¹³ Дьюи Д. Впечатления от Советской России / пер. с англ. // Хрестоматия по истории школы и педагогики России первой трети XX века: П.Н. Игнатьев, В.В. Зеньковский, С.И. Гессен, Д. Дьюи / ред.-сост. Г.Б. Корнетов. М.: АСОУ, 2009. — С. 158–159.

Далее все ссылки на эту работу Д. Дьюи будут даваться в тексте в квадратных скобках с указанием страниц по данному изданию.

отмахнуться, что все прогрессивные реформаторские попытки, которым всячески препятствовал царский режим, получили активную и официальную поддержку со стороны большевистского режима, факт, несомненно повлиявший на многих либерально настроенных интеллигентов и заставивший их пойти на сотрудничество с большевистским правительством. Один из них, не являющийся членом партии, сказал мне, что он считает трагической ошибкой тех интеллигентов, которые отказались от какого-либо сотрудничества с новым правительством. Они свели к нулю свои собственные возможности и лишили Россию помощи в тот момент, когда она больше всего в ней нуждалась. Сам он обнаружил, что нынешнее правительство расчистило путь как раз для того дела, которое он вынашивал при старом режиме и реализация которого была практически невозможной из-за его сопротивления, и что хотя он не был коммунистом, к его советам и даже к его критике прислушивались, поскольку власти убедились в искренности его стремления к сотрудничеству. Несмотря на ограниченность моего опыта в этом отношении, могу добавить, что видел либерально настроенных интеллигентов, одни из которых вели политику, которую он осуждал, другие — ту, которую он советовал. И нет на земле более несчастного и бесплодного класса, чем первые, и более живого и счастливого, невзирая на жёстко ограниченные экономические условия, жильё, жалование и т.д., чем вторые» [Дьюи, с. 159–160].

Далее Д. Дьюи писал, размышляя о своих встречах с С.Т. Шацким: «Второй фактор, способствовавший трансформации взглядов педагога (чью историю я считаю типичной и весьма символичной), выводит нас за рамки реформистских и прогрессивных идей и заставляет обратиться к собственно коммунизму. Я уверен, что на этот фактор любой коммунистический педагог укажет скорее, чем на тот, о котором я только что говорил. Невозможность реализации педагогических целей из-за экономических причин занимала в истории превращения педагога-реформатора в коммуниста гораздо большее место, чем явная и совершенно определённая политическая и правительственная оппозиция. Фактически последняя упоминалась лишь в качестве неизбежного побочного продукта социально-экономических обстоятельств. Как говорил этот педагог, существует два типа воспитания — в широком смысле и в узком. Воспитание в узком смысле даётся в школе, в широком смысле, оказывающее наиболее существенное воздействие, даётся реальными условиями жизни, особенно в семье и на улице. Этот педагог обнаружил, что работа, которую он пытался делать в школе, даже в достаточно благоприятных условиях его экспериментальной школы, сводилась к нулю воспитательным, а точнее антивоспитательным воздействием характера и привычек мышления, порождавшихся социальным окружением. Отсюда и выросла его уверенность в том, что социальные условия и прогрессивная школа должны работать вместе,

действовать в гармонии, усиливая друг друга, если бы только цели, которые ставит перед собой прогрессивная школа, постоянно не разрушались и деформировались. Вместе с ростом этой уверенности незаметно произошло его превращение в коммуниста. Он пришёл к глубокому убеждению, что главной силой, препятствующей социальной реформе, осуществить которую он стремился посредством школы, были как раз эгоистические и узколичностные идеалы и методы, насажденные частной собственностью, прибылью и стяжательством» [Дьюи, с. 161].

Общение с С.Т. Шацким позволило сделать Д. Дьюи весьма значимые выводы: «Эта история поучительна в силу её типичности, приобретающей символический характер, и её продолжение приводит нас к описанию конкретной деятельности советской школы. Под влиянием педагога, о котором я рассказывал (оно оказалось достаточно сильным), содержание, методы обучения и дух школьного управления, и дисциплины рассматриваются как пути гармонизации конкретных социальных условий, принимая при этом во внимание местные различия, и деятельность школы. Мои контакты не были продолжительными, чтобы дать адекватную картину структуры и методов данной работы (даже если бы рамки рассказа мне позволили писать подробнее), но её общий дух всё-таки можно передать. Во время переходного режима учитель не может рассчитывать на образование в широком смысле, чтобы сформировать каким-то целостными

и подлинными средствами нужное коллективистское и кооперативное мышление. Традиционные обычаи и институты крестьянина, его маленькие полоски земли, трёхполье, влияние семьи и церкви в совокупности автоматически работают на создание в нём индивидуалистической идеологии. Несмотря на большую склонность городского рабочего к коллективизму, его социальная среда тоже во многих отношениях действует на него неблагоприятно. Отсюда и вытекает самая главная задача школы — противостоять и попытаться трансформировать эти порождаемые домашними и социальными условиями тенденции, которые сильны даже при нынешнем, номинально коллективистском режиме. Чтобы решить эту задачу, учителя в первую очередь должны очень детально и точно знать условия, в которых живут ученики, и таким образом уметь объяснить и понять привычки и поступки ученика в школе в свете этих условий, и не в общих чертах, а столь же определённо, сколь опытный терапевт ставит диагноз болезни, исходя из порождающих её условий, с которыми он имеет дело. Поэтому этот педагог называл свою философию “социальным бихевиоризмом”. Всё, что он наблюдал, — способ ведения сельского хозяйства, орудия труда, конструкция домов, домашний быт, церковь и т.п., заставляло его задаваться вопросом о их возможном воздействии на поведение людей. С другой стороны, учитель, сталкиваясь с любым нежелательным поведением ученика, стремился выявить его социальную обусловленность.

Эта идея, сколь бы ясной она ни была в абстрактном изложении, конечно, останется пустой без специальной методики её реализации. И как раз одной из наиболее интересных инноваций, с которой я познакомился, является методика, созданная в помощь учителям для выявления действительных условий, влияющих на учащихся в их внешкольной жизни. Я надеюсь, что кто-нибудь другой, располагая большим временем, нежели я, опишет эту методику в деталях. Здесь я могу только сказать, что она включает в себя кроме всего прочего дискуссии по истории и географии, темы письменных работ, сочинения учащихся, а также подробное изучение в течение всего года домашнего и семейного бюджета. Совершенно независимо от какой-либо экономической теории — коммунистической или индивидуалистической — результаты работы уже имеют значительную педагогическую ценность и обещают вооружить новым и плодотворным методом педагогического исследования. Полученное таким образом знание о домашних условиях и их воздействии на поведение... является исходным для развития методов, которые позволят школам благоприятным образом реагировать на обнаруженные нежелательные условия и усиливать действие имеющихся положительных факторов, что служит отправной точкой для их конструктивной работы» [Дьюи, с. 161–162].

Посещение Первой опытной станции Наркомпроса, общение с С.Т. Шацким произвело на Д. Дьюи огромное впечатление. Он писал: «Образование

и воспитание предоставляют материал для поразительной иллюстрации роли эксперимента в будущей эволюции Советской России. Меньше чем в ста милях от Москвы есть район, типичный для советской сельской России, в котором находится воспитательная колония Шацкого. Она является центром для четырнадцати школ, разбросанных по ближайшим деревням, которые вместе взятые составляют экспериментальную педагогическую станцию, предназначенную для выработки материалов и методов для системы русской сельской школы. Насколько я знаю, нигде в мире нет ничего подобного. Поскольку летняя колония работала, мы имели удовольствие посетить станцию и отметить результаты её благотворного воздействия на деревни» [Дьюи, с. 176].

Сравнивая фрагменты из статьи С.Т. Шацкого и Д. Дьюи, в которых описывается и анализируется их встреча, нетрудно заметить огромное различие в том, на что они обращают внимание, какие акценты делают при изложении событий.

С.Т. Шацкий, на протяжении многих лет боготворивший Д. Дьюи, приклонявшийся перед его педагогическими идеями, последовательно стремящийся использовать их в своей практической деятельности и в теоретических работах, весьма скупко рассказывает о состоявшейся встрече. С.Т. Шацкий пишет о Д. Дьюи весьма почтительно, но не более того. Он отнюдь не восхищается Д. Дьюи, не видит в произошедшем ничего выдающегося, ничем не проявляет

своих возможных ярких чувств и эмоций. С чем это связано? Может быть, с тем, что он хорошо знал педагогику Д. Дьюи и не почерпнул для себя ничего нового? Может быть, он ожидал от американского мыслителя услышать какие-то яркие откровения? Может быть, сгущавшаяся в конце 1920-х социальная атмосфера грядущего террора не позволяла ему быть более откровенным? Здесь мы можем только гадать. Статья С.Т. Шацкого — это небольшая зарисовка, публицистический очерк, в общем-то абсолютно рядовой текст о совсем не рядовом событии.

Д. Дьюи, наоборот, использует материал своих бесед с С.Т. Шацким, знакомства с его педагогическим опытом для очень серьёзных теоретических обобщений. Встреча помогла ему глубже понять природу того, что происходит в СССР, постичь особенности и перспективы развития советской школы. Будучи последовательным демократом и непримиримым антикоммунистом, Д. Дьюи исключительно высоко оценил то, что делал педагог-коммунист С.Т. Шацкий. Он отметил, что увидел в Советском Союзе наиболее полное воплощение своих педагогических идей, имея в виду Первую опытную станцию Нарокомпроса.

В 1928 г. С.Т. Шацкому исполнилось 50 лет. Через четыре года он будет отстранён от руководства Первой опытной станцией, а ещё через два года умрёт от сердечного приступа, случившегося после очередной «партийной проработки». По словам Ф.А. Фрадкина, «первая публикация работ талантливого педагога появилась четверть века спустя после похорон. Только в начале 60-х гг. издаётся собрание его сочинений в четырёх томах»¹⁴. Сегодня интерес к педагогическому наследию С.Т. Шацкого, который был одним из самых интересных «отечественных дьюистов», всё более привлекает к себе внимание теоретиков и практиков образования.

Д. Дьюи был на 19 лет старше С.Т. Шацкого. В момент их встречи ему было 69. Д. Дьюи прожил ещё долгих 24 года. Педагогические идеи получили всемирное признание ещё при его жизни. Сегодня можно с уверенностью сказать, что дьюистский подход к образованию лежит в основе современных реформ школы практически во всех странах, в частности, найдя своё воплощение в так называемом компетентностном подходе.

¹⁴ Фрадкин Ф.А., Плохова М.Г., Осовский Е.Г. Лекции по истории отечественной педагогики: Учебн. пособие. М.: Сфера, 1995. — 160 с. — С. 79.

Литература

1. Астафьева Е.Н. Разработка С.Т. Шацким концепции педагогического образования (20-е годы XX века) // Теория и практика образования: история и современность: монография / под ред. Г.Б. Корнетова. М.: АСОУ, 2016. — С. 138–153.
2. Астафьева Е.Н. Ценности гуманизма как образ хорошей школы первой трети XX века // Историко-педагогический журнал. 2016. № 1. — С. 115–129.

3. Дьюи Д. Впечатления от Советской России / пер. с англ. // История философии. № 5. М.: ИФРАН, 2000. — С. 224–269.
4. Дьюи Д. Впечатления от Советской России / пер. с англ. // Хрестоматия по истории школы и педагогики России первой трети XX века: П.Н. Игнатьев, В.В. Зеньковский, С.И. Гессен, Д. Дьюи / ред.-сост. Г.Б. Корнетов. М.: АСОУ, 2009. — С. 141–179.
5. Дьюи Д. Демократия и образование / пер. англ. М.: Педагогика-пресс, 2000. — 384 с.
6. Дьюи Д. Моя педагогическая вера // Педагогика Джона Дьюи / автор-сост. Г.Б. Корнетов. М.: АСОУ, 2010. — С. 40–55.
7. Корнетов Г.Б. Джон Дьюи // Хрестоматия по истории школы и педагогики России первой трети XX века: П.Н. Игнатьев, В.В. Зеньковский, С.И. Гессен, Д. Дьюи / ред.-сост. Г.Б. Корнетов. М.: АСОУ, 2009. — С. 139–141.
8. Корнетов Г.Б. К 155-летию со дня рождения Джона Дьюи (1859 — 1952) // Историко-педагогический журнал. 2014. № 4. — С. 33–53.
9. Фрадкин Ф.А., Плохова М.Г., Осовский Е.Г. Лекции по истории отечественной педагогики: Учебн. пособие. М.: Сфера, 1995. — 160 с.
10. Шацкий С.Т. Американские педагоги у нас в гостях // Пед. соч.: в 4 т. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1964. Т. 3. С. 206–214.
11. Шацкий С.Т. Американские педагоги у нас в гостях // Шацкий С.Т. Школа для детей или дети для школы: Избр. пед. произв.: в 2 т. М.: АСОУ, 2011. Т. II. — С. 41–48.
12. Шацкий С. Предисловие // Дьюи Д. Введение в философию воспитания / пер. с англ. М.: Работник просвещения, 1921. — С. 3–6.
13. Юлина Н.С. Об очерке Джона Дьюи «Впечатления о Советской России» // История философии. № 5. М.: ИФРАН, 2000. — С. 270–275.
14. Dewey J. Impressions of Soviet Russia and the Revolutionary World: Mexico — China Turkey. New York: New Republic, 1929. — 268 p.